
ВАЖНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СТРОЯ ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

(О книге E. Ritschl, M. Schetelich, Studien zum Kauṭīliya Arthāśāstra,
Berlin, 1973)

Рецензируемая книга состоит из двух основных частей: «Сельская община» (написана М. Шетелих) и «Ремесло и торговля» (Е. Ричл). Обе части являются переработанными вариантами диссертаций, выполненных под руководством известного немецкого индолога, академика В. Рубена и защищенных в 1968 г. Книга имеет также три приложения: «Вишти — государственная трудовая повинность» (Е. Ричл), «Проблема каст» (Е. Ричл и М. Шетелих), «О характере рабства в Артхашастре Каутильи» (М. Шетелих).

Е. Ричл и М. Шетелих ставят кардинальные вопросы социально-экономической истории древней Индии и к их решению подходят с марксистской точки зрения на основе тщательного анализа источника — «Артакшастры» Каутильи (далее — КА). Авторы продолжают научные традиции немецкой индологии, в которой почти полвека назад появились первые основательные работы Б. Брелера о социально-экономических отношениях в древней Индии по данным КА¹. В то же время исследование Е. Ричл и М. Шетелих имеет совершенно иные методологические установки, чем работы Б. Брелера, и более надежно не только в общих концепциях, но и в ряде частных вопросов². КА рассматривается как основной источник по любой из поставленных проблем. Это позволяет значительно сократить вероятность создания синтетической картины общества древней Индии, составленной из сведений разновременных и разнохарактерных источников. КА — обширный и богатый источник, занимающий особое место в древнеиндийской литературе и заслуживающий специального анализа.

Работу Е. Ричл и М. Шетелих отличает превосходное знание научной литературы (в том числе и советской — не только по древней Индии, но и по индологии и древности в целом) и тщательные работы с источником. При обсуждении любого вопроса приводятся соответствующие тексты источника, сопровождаемые переводом, а при необходимости — и комментарием к переводу (учитываются все переводы КА на европейские языки и главным образом новейший и лучший перевод Р. П. Кангле, а также санскритские комментарии). Тексты и переводы составляют около половины всего объема книги, и даже в тех случаях, когда материал кажется недостаточным для окончательных выводов, заслугой авторов является уже постановка проблемы и добросовестный подбор имеющихся данных для ее решения.

В первой части книги рассматриваются два круга проблем: во-первых, это отношения собственности в общине, землевладение и землепользование; во-вторых, социальная структура сельской общины. Эти крупные разделы дробятся соответственно на более мелкие, где рассматриваются: неводелываемые земли деревень, леса и пастбища, пустоши, оросительные сооружения, новые деревни (здесь М. Шетелих исследует содержание главы КА «джанападаниवेशа» II. 1), царская земля; полноправные члены общины, неполноправные крестьяне, арендаторы и работающие за плату земледельцы (*кармакары*), пастухи, ремесленники, торговцы, деревенские брахманы, зависимые; органы общинного самоуправления.

М. Шетелих считает, что нет никаких оснований говорить о верховной собственности царя на землю в древней Индии³. «Права царя на землю» выражались вообще в тройкой форме (стр. 79 сл.): 1) царь был собственником части земель (поля *сута*); эти царские земли представляли собой не крупные земельные владения (домен), а отдельные участки среди полей деревенских общин (стр. 30)⁴; источники приобретения этих

¹ В. Brelor, *Kautiliya-Studien*, Bd. I—III, Bonn — Lpz, 1927—1934.

² Е. Ричл и М. Шетелих опубликовали ряд статей о КА и социально-экономических проблемах древней Индии: E. Ritschl, M. Schetelich, *Zu einigen Problemen der Eigentumsverhältnisse (speziell an Grund und Boden) im Kautiliya Arthashastra*, MIO, 1966, XI, 2; E. Ritschl, *Die Vaidehakas im Kautiliya Arthashastra*; M. Schetelich, «Karmakara» im Arthashastra des Kautiliya — в кн. W. Ruben, *Die gesellschaftliche Entwicklung im alten Indien*, Bd. I, B., 1967; E. Ritschl, M. Schetelich, *Zu einigen Problemen der frühen Klassengesellschaft in Indien*, «Neue Indienkunde. New indology. Festschrift W. Ruben zum 70. Geburtstag, B., 1970; M. Schetelich, *Zur Terminologie der Grundeigentumsverhältnisse im alten Indien*, «Asien in Vergangenheit und Gegenwart», B., 1974; М. Шетелих, О некоторых терминах, определяющих отношения зависимости в «Артакшастре», сб. «Очерки экономической и социальной истории Индии», М., 1973.

³ Тезис о верховной юридической собственности царя на землю отвергается и в советской индологической литературе. См., например, Г. М. Бонгард-Левин, *Индия эпохи Маурьев*, М., 1973, стр. 113.

⁴ Ritschl, Schetelich, *Zu einigen Problemen der Eigentumsverhältnisse...*, стр. 314. См. H. Scharfe, *Untersuchungen zur Staatsrechtslehre des Kautiliya Arthashastra*, Wiesbaden, 1968, стр. 282; J. J. Meyer — В. Brelor, *Kautiliya-Studien*, Bd. I, DLZ, 5 Jg., Ht. 30, 1928, стб. 1448.

участков царем могли быть различны, например выморочное имущество; часть царских земель передавалась в качестве пожалований частным лицам, получавшим освобождение от налогов (*брахмадеика*); земли, оставшиеся царскими (*сита*), обрабатывались под присмотром специального чиновника силами наемных работников и рабов, а также «отрабатывающих штраф»; 2) особые права имел царь в случае освоения целинных и залежных земель (анализируется глава II.1) — положение земледельцев, получавших землю от царя в таких районах, было похоже на положение арендаторов; у нерадивых земледельцев царь мог даже отнять землю⁵; 3) что касается основной территории страны, то царь имел лишь право на получение налогов с земледельцев, но не на их землю.

По мнению М. Шетелих, «верховная собственность на землю» принадлежала традиционным сельским общинам (стр. 79—80). Отдельные земледельцы (точнее, большие семьи) выступали лишь в качестве наследственных владельцев (*Besitzer*) участков общинной земли. Участки эти могли отчуждаться любым способом (аренда, залог, продажа), но покупатель земли становился членом общины, приобретает определенные права и обязанности (стр. 34 сл.). «Верховная собственность общины» на землю выражалась в следующем (стр. 36): 1) право преимущественной покупки родственниками, соседями и кредиторами; 2) контроль общины за отчуждением недвижимости (необходимо присутствие соседей, членов сорока семейств и деревенских старейшин при продаже); таким образом, именно община активно контролировала сделки по отчуждению недвижимости, а царь ограничивался лишь получением пошлины (стр. 43); 3) при продаже не всегда возникало постоянное право собственности, и земля могла быть со временем возвращена ее прежнему владельцу. Эти «далеко идущие ограничения частной собственности на землю» (стр. 43) позволяют автору говорить о существовании лишь частного владения землей при «верховой собственности общины». Кроме того, имеется непосредственно общинная собственность на леса, пастбища, храмы, места сожжения трупов, дороги, некоторые оросительные сооружения (большая часть последних находилась, впрочем, в частном владении) и т. д.

Вполне поддерживая точку зрения об отсутствии верховной собственности царя на землю, мы не можем, однако, согласиться с концепцией «верховой собственности общины». Хотя М. Шетелих несколько раз (стр. 36, 83, 97) повторяет ту мысль, что в случае продажи земли прежний собственник может не потерять навсегда свое право на эту землю, аргументация ее, на наш взгляд, неудовлетворительна. Ссылка на маратхскую общину XVIII в. (стр. 83, 97) по меньшей мере недостаточна, а приводимые древние источники (стр. 39—40) — «Нарада» XI. 23—24; КА III. 10.14 — говорят о возвращении не проданного, а заброшенного участка, что, конечно, совершенно меняет дело.

Неточной нам представляется интерпретация положений КА об обстановке продажи недвижимости. М. Шетелих понимает термин *саманта* как «сосед» (*Nachbar*) и имеет в виду, очевидно, ближайших соседей продавца недвижимости. В ее переводе *саманта* перечисляются как присутствующие при продаже недвижимости наряду с «сорока семействами» (о последних нет пояснений)⁶. В ее толковании создается впечатление, будто при продаже любой недвижимости должны присутствовать лица трех категорий: ближайшие соседи, представители «сорока семейств» и деревенские старейшины (стр. 42). В действительности дело обстоит иначе. Деревня, как и город, видимо, территориально делилась на группы семейств, в частности на группы по сорок семейств (КА, II.36.2 — ср. стр. 128). Если это так, то «соседей» продавца дома нельзя противопоставлять группе «сорока семейств», в которую сам продавец входит. «Сорок семейств» и есть объединение соседей, что-то вроде «квартала» или «конца». Построение фразы III. 9.3 по смыслу однотипно, и если мы никак не можем считать термин *sāmantacatvāriṃṣatkulyāḥ* (не только в данном случае, но и в III. 20. 15) перечислением соседей и «сорока (соседних) семейств», то и в сочетании *sāmantagāmaṇḍdhāḥ* мы также должны видеть не две группы: соседей и деревенских старейшин, а одну — деревенских ста-

⁵ Подробная критика этой концепции содержится в статье: А. М. С а м о з в а н ц е в, Об интерпретации главы «Артхашастры» *джанападановеша*, ВДИ, 1975, № 3.

⁶ Таким образом понимал текст И. Я. Мейер. Но, согласно его мнению, имеются в виду «сорок лучших семейств».

рейшии, являющихся соседями (аналогично III.9.15). В КА, кажется, нет ни одного контекста, где термин *саманта* несомненно употреблялся бы в значении собственно «сосед» (хозяин ближайшего дома). В этом значении применяются термины *prātiveśika* (III.4.4) или *atisaṃnikṛṣṭa* (IV. 13.5). Смысл термина *саманта* в юридических главах КА более широкий и не всегда однозначный. Все споры о недвижимостях решаются прежде всего на основе показаний *саманта-соседей* (КА III. 8.1; III.9.24), и все сделки с недвижимостью совершаются в их присутствии. Но понятие *саманта* каждый раз относится к разным лицам в зависимости от спорного или продаваемого объекта. Если продается дом, присутствуют «сорок семейств» (квартал *саманта* — равно в деревне и городе), если поле, сад или оросительное сооружение и т. д. — старейшины данной деревни-*саманта* (III.9.3). Аналогично при пограничных спорах: если спор о границах возникает между членами одной деревни, решают дело *саманта-старейшины* деревни (III.9.15), а если это пограничный спор между деревнями — решает объединение пяти или десяти деревень-*саманта* (III. 9. 10). *Саманта*, видимо, не просто хозяин соседнего поля или дома, а представитель той же общины или объединения. М. Шетелих считает общиной только деревню, и, конечно, это главный тип общины. Но «сорок семейств», живущих рядом в пределах деревни или города, — это тоже микрообщина, а объединение пяти или десяти деревень — макрообщина. В зависимости от контекста члены любой из них являются друг для друга *саманта-соседями*. Вне особого контекста *саманта* — не «ближайший сосед», а член общины данной деревни, односельчанин (ср. «Яджнавалкья» II.152 *sāmantāḥ samagrāmāḥ* — *саманта-односельчане*).

В сутре III.9.1 устанавливается право преимущественной покупки: первыми имеют право купить недвижимость родственники (*джнати*) продавца вне зависимости от того, входят ли они в данную деревню или нет. Лишь затем следуют чужаки (*бахья*): сначала кредиторы продавца, а затем и любые другие. Таким образом, нет права преимущественной покупки только членами деревенской общины. Еще больше прав на продаваемую недвижимость имеет родственный коллектив (*джнати*). Как сказано выше, нет и контроля за продажей со стороны только одной общины-деревни. Деревенская община была, видимо, основным типом общины, но существовали и иные, более мелкие и более крупные общинные объединения. В каждом отдельном случае соответствующая общинная группа принимала участие в сделках с недвижимостью (участие не только в форме контроля): при продаже дома — хозяева домов данного квартала, при продаже поля — вся деревня в лице своих старейшин. Однако это участие не является свидетельством «верховой собственности». Деревня так же мало имела «верховную собственность» на поля своего сочлена, как объединение сорока соседствующих семейств на его дом. Каждая из общин, малых и больших, была объединением частных собственников и ограничивала права частных собственников лишь в тех случаях, когда непосредственно затрагивались интересы всего данного коллектива. Частная собственность отдельного лица (семьи) в разных отношениях и в разной степени подвергалась ограничениям со стороны родственных или территориальных коллективов, в которые входило данное лицо. Однако это была все же частная собственность.

Ито являлся собственником земельного участка, ясно видно не только при отчуждении земли (когда, на наш взгляд, «далеко идущих ограничений частной собственности» со стороны общины не видно). Картина становится отчетливой в случае смерти хозяина недвижимости, не имеющего наследников. Участок общинной земли, находившийся в условном наследственном владении отдельного семейства, в этом случае должен был бы поступить в распоряжение общины, но в действительности земля рассматривалась как выморочное имущество и отходила царю (III.5.28) — не потому, что последний был верховным собственником всей земли, а потому, что земельный участок рассматривался как не имеющий собственника.

Деревенская община выступала как юридическое лицо и имела собственность. Но это не «верховная», а только непосредственная собственность на общинные дороги, общинные храмы, места для сожжения трупов и объекты, которые обычно по самому существу своему не могли находиться в частной собственности. Недвижимую собственность (например, колодцы) могли иметь территориальные объединения 10 домов

II.4.26), некоторые объекты принадлежали, видимо, не одной, а нескольким деревням.

Социальную структуру деревенской общины М. Шетелих считает весьма сложной. В состав ее входили прежде всего землевладельцы (богатые и бедные), арендаторы и, видимо, батраки, а кроме того, в деревне жило свободное неземледельческое население: деревенские ремесленники, торговцы, скотоводы, деревенские брахманы. Часть жителей деревни не имела личной свободы: кабальные должники, рабы и пр. На границах деревни жили члены низших каст. Главой и представителем общины являлся деревенский староста-граммика. За сбором налогов следил специальный чиновник-гопа.

Строго говоря, сколько-нибудь полными могут быть наши сведения только об основном населении деревни — семьях свободных полноправных землевладельцев. В их собственности (по М. Шетелих — «владении» — стр. 83 сл.) находились дома с прилегающими дворами, поля, иногда фруктовые сады и огороды, а также оросительные сооружения, построенные собственными силами. Перед лицом общины семья выступала как единое целое. Семейным имуществом обычно распоряжался старший мужчина в семье. Государство имело дело главным образом с объединениями таких семейств — общинами.

Видимо, не все земледельческое население было полноправным. Следуя И. Я. Мейеру, М. Шетелих считает, что термин *унаваса*, дважды встречающийся в КА, обозначает именно неполноправного земледельца (чужака, пришельца, вынужденного жить арендой земли полноправных общинников). Она сопоставляет *унаваса* с *упри* позднего средневековья (стр. 93—94). На наш взгляд, эта интерпретация заслуживает внимания, хотя и не может считаться доказанной.

Деревенские пастухи, по мнению М. Шетелих, были мелкими скотоводами, располагавшими собственными стадами. В качестве членов общины они могли иметь право на пользование общинными пастбищами (*вивита*). Но за это они обязаны были пасти скот других жителей деревни (стр. 113). За работу пастухами по найму они получали от землевладельцев натуральную плату.

Данные КА о пастухах и скотоводах незначительны. Из них ясно лишь то, что среди деревенского населения могли быть не только земледельцы, но и скотоводы (*го-ракшака*, *гопалака*). При этом некоторые скотоводы пользовались почтением (*гопалака - врддха*) и участвовали в решении междеревенских пограничных споров вместе с такими же почтенными земледельцами (*каршака-врддха* — III.9.11). В то же время скотоводы-пастухи упоминаются и при перечислении наемных работников (*кармакаров*) наряду с работниками, занятыми в земледелии и торговле. Если не был предварительно заключен договор об оплате их труда, они, как и *кармакары* других занятий, получали десятую часть продукции (масла — III.13.28). Положение этих наемных пастухов, возможно, было сходно с положением арендаторов-испольщиков в земледелии (*ардхаситика* — III.11.25; ср. «Ману» IV.253). Конструируемая М. Шетелих система отношений и взаимных обязанностей между пастухами-скотоводами и земледельцами, обязанностей, определяемых членством в общине, основывается главным образом на аналогии с поздним средневековьем и находит мало опоры в сведениях самой КА. Мы не видим доказательств того, что пастухи-*кармакары*, упоминаемые в КА III.13.28 и III.10.27, были владельцами стада и членами общины, а с другой стороны, что скотоводы-общинники о б я з а н ы б ы л и обслуживать прочих членов общины в качестве наемных пастухов-*кармакаров*.

Аналогичным образом рассматривает М. Шетелих и организацию разделения труда между земледельцами и скотоводами, с одной стороны, и ремесленниками — с другой. По ее мнению, деревенские ремесленники, как и в период позднего средневековья, возможно, производили изделия за определенную долю урожая и были связаны с прочим населением деревни традиционными правами и обязанностями (стр. 114, 116). Впрочем, она сама признает (стр. 114), что в КА почти нет сведений о взаимоотношениях ремесленников и деревни.

Жившие на краю деревни члены низших каст, возможно, выполняли ритуально нечистые работы в деревне (стр. 121—122).

Функции деревенского старосты (*грамика*) были возложены, очевидно, на одного из жителей деревни (стр. 125—126). Существовал деревенский совет старейшин (*грамавердда* — позднейший *панчayat*), в функции которого, по «Артхашастре», входило (стр. 127): 1) опека над имуществом несовершеннолетних и надзор над храмовым имуществом (*девабравья* — II.1.27); 2) при некоторых обстоятельствах — принятие выкупной суммы за имущество, отданное в залог (III.11.11); 3) решение пограничных споров между жителями деревни (III. 9.15); 4) присутствие при отчуждении земельных участков (III.9.3). Упоминание о действиях деревни в целом (*грама*) в отличие от действий старосты позволяет предполагать наличие общинного собрания.

Основное положение автора в данной части монографии о том, что деревенская община была не коллективом свободных равноправных производителей, находившихся в одинаковых эконоимических условиях, а сложной иерархической структурой, нам кажется совершенно справедливым и весьма плодотворным⁷.

По мнению М. Шетелих, отношения между общинниками-землеладельцами, с одной стороны, и пастухами, ремесленниками и бедными земледельцами, с другой, были уже прообразом позднейшей средневековой системы *джаджмани*, т. е. кастовой регламентации взаимных услуг между разными социальными и профессиональными группами в деревне (стр. 116). Нам представляется, что в «Артхашастре» есть прямое свидетельство о существовании в деревне обслуживания за натуральное содержание: мы имеем в виду деревенского работника (*грамабхртака*). Автор упоминает *грамабхртака* лишь в главе о деревенской администрации (стр. 126) в связи с проблемой жалования, которое выплачивалось ему из казны (V.3.23). Дело, однако, в том, что жалование выплачивалось не всякому *грамабхртака* и не за исполнение его непосредственных функций, а за шпионскую службу. Этот вывод, обоснование которого было дано в литературе, позволяет правильно понять положение *грамабхртака*⁸. Сведения «Артхашастры» о нем таковы: 1) в обычных условиях он, как и деревенский торговец (*вайдехака*), не обрабатывает землю (II.1.11); 2) как и *вайдехака*, он не ведет своего хозяйства и поэтому не принадлежит к домохозяевам (*грапатика* — I.3.22—23); 3) он подбирает колоски на поле вместе с нищими (V.2.11), его общественное положение значительно ниже положения *грапатика* и *вайдехака*, оно также подобно положению нищих (V.3.23); 4) в отличие от *чандалов*, *грамабхртака* живет в самой деревне, однако ограничение возможности его привлечения в качестве свидетеля (III.11.29) вызвано, по-видимому, его низким общественным положением. В свете этих данных трудно было бы считать *грамабхртака* наемными работниками-кармакарами частных лиц. *Грамабхртака* этимологически правомерно толковать как «работник, находящийся на содержании деревни». Такое толкование хорошо соответствует приведенным выше данным о его общественном положении. Эта категория деревенского населения действительно должна была обслуживать общину (*грама*) в силу традиционных обязанностей и за натуральное обеспечение или плату (*бхрти*). Таким образом, некоторые черты системы *джаджмани* в «Артхашастре» можно заметить. Однако, с другой стороны, именно выяснение положения *грамабхртака* не позволяет считать, что все деревенские скотоводы (*гопалака*) и ремесленники (*кару*) находились в сходном положении, т. е. обязаны были обслуживать деревню за натуральное содержание. Они перечислялись в податных списках, составляемых чиновником-*гопа*, по основным занятиям: как *кару* или *гопалака*. *Грамабхртака* в этом списке должен был попасть в разряд кармакаров. Взаимоотношения между группами лиц разных профессий впоследствии в Индии оформились в систему *джаджмани*. Однако в анализируемом источнике («Артхашастре») нет никаких указаний на специфический характер взаимоотношений между земледельцами, скотоводами и ремесленниками, которые позволяли бы говорить об особом типе индийской деревни.

Вслед за В. Рубеном и некоторыми другими исследователями М. Шетелих пишет о том, что в период создания КА варна шудр пережила социальный подъем в сравне-

⁷ Ср. Л. Б. Алаев, Сельская община как элемент общественного строя древней Индии, ВДИ, 1976, № 1.

⁸ С а м о з в а н ц е в, Об интерпретации главы «Артхашастры»..., стр. 124 сл.

нии с периодом составления дхармасутры «Гаутама». Бывшие прежде в зависимости плотского типа, шудры стали теперь самостоятельными производителями-налогоплательщиками, у которых нельзя отнять, что угодно (стр. 106, 79). Нельзя не согласиться с тем, что, по данным КА, шудры — самостоятельные производители-налогоплательщики, и у них действительно нельзя отнять все, что угодно. Общество, отраженное в КА, вообще делилось на две основные категории (*арья*, *арьяпрана* — представителей четырех варь-*чатурварнья*, т. е. включая и шудр, и *млечха* — вневарновых — низшие касты, лесные племена, иноземцы — III.13.1—4; III.13.18; III.16.28). Проблема состоит лишь в том, был ли вообще в истории Индии такой период, когда шудры не являлись самостоятельными производителями и когда у них можно было отнять, что угодно. Во всяком случае шудры, богатые скотом, упоминаются еще в брахманах. С другой стороны, мнение о зависимости шудр — результат главным образом доверчивости к таким тенденциозным источникам, как дхармашастры. Авторы активно используют дхармасутру «Гаутаму» как древний памятник, отражающий более ранний период в истории Индии, чем КА. Однако еще И. Я. Мейер категорически отрицал древность этого источника⁹. Позднее происхождение дхармасутры теперь доказано в специальной работе Р. П. Кангле¹⁰. По языку, стилю, композиции и содержанию дхармасутра «Гаутама» — одно из самых поздних произведений этого жанра, и во всяком случае она не отражает более раннего периода в истории Индии, чем КА.

Описания варь и каст в индийских литературных источниках всегда традиционны, условны. Несомненно, уже в древности существовали местные роды, племена и касты, отнесение которых к той или иной варне или «вневарновое» состояние было, по-видимому, различным в разное время и в разных районах. Наши источники крайне противоречивы в определении варновой принадлежности даже традиционных, так называемых «смешанных каст»; большинство их обычно причислялось к шудрам. Перечень так называемых «смешанных каст», содержащийся в КА, является не прямым отражением действительности, а передачей устойчивой литературной традиции (совершенно аналогичные списки содержатся в дхармасутрах и дхармашастрах). Поэтому вопрос о том, какие касты входили в число «живущих на окраине» (стр. 121), по существу вопрос праздный. «Живущие на окраине» (*антавасиин*) — самое точное их наименование. В разных местностях разные группы могли принадлежать к этой категории. В литературных источниках, в том числе и в КА, в качестве их примера обычно приводилось название низшей касты — *чандалов*. Другие низшие «смешанные касты» иногда приравнивались к *чандалам*, иногда отличались от них (даже в одном и том же источнике). Так, например, *швапака* в одном месте КА III.7.37 приравнивается к шудрам, а в другом (IV.13.34) противостоит всем, кто входит в число четырех варь (*арья*), т. е. рассматривается как вневарновый — *антавасиин* — и его положение, следовательно, аналогично положению *чандалов* (ср. «Ману» X.51).

М. Шетеллих пытается определить варновую принадлежность профессиональных групп в деревне, однако; полученные выводы не могут быть признаны убедительными. Так, нет оснований думать, что торговцы-*вайдехака* и смешанная каста *вайдехака* тождественны (ср. стр. 106, 114). Кастовым занятием *вайдехака* ряд источников называет не торговлю, а, например, «охрану гарема» («Ману» X.47). Из того, что ремесло считалось занятием, допустимым для шудр, еще нельзя сделать вывод, что все ремесленники в деревне были шудрами (стр. 114). Из КА II.1 мы знаем, что и земледельческое население могло в своей массе состоять из шудр (II.1.2). Мы думаем, что торговцы, ремесленники и другие профессиональные группы вообще не имели единой варновой принадлежности. Хорошо известно из разных источников о занятиях торговлей брахманов и представителей других варь.

⁹ J. J. Meyer, Über das Wesen der altindischen Rechtsschriften und ihr Verhältnis zu einander und zu Kautilya, Lpz, 1927, стр. VI.

¹⁰ R. P. Kanngi, The Relative Age of the Gautamadharmasūtra, «Mélanges d'indianisme a la memoire de Lois Renou», P., 1968.

М. Шетелих считает, что царь, используя в качестве осведомителей представителей всех слоев населения, делал исключение для деревенских брахманов. Она аргументирует это тем, что брахманы не указаны в перечне «групп осведомителей». Однако «группы осведомителей» перечисляются вообще не по варновой принадлежности, и брахманы попадают, очевидно, в общий разряд «домохозяев». В осведомительстве КА не видит ничего предосудительного, и, несомненно, для брахманов никакого исключения не делалось. Брахманы вообще не выделялись среди прочих жителей деревни. Даже обязанность следить за священными местами и храмами лежала на всех членах общины и их представителях — деревенских старейшинах, а не специально на брахманах. В упоминаемых источником «благочестивых людях» *пуньяшила*, за чей счет восстанавливается разрушенное святилище, М. Шетелих видит только брахманов (стр. 117), но естественно думать, что имеются в виду любые благочестивые донаторы, независимо от их варновой принадлежности.

Во второй части монографии, написанной Евой Ричл, дается характеристика ремесла и торговли в КА. Здесь рассматриваются следующие вопросы: развитие ремесла в Индии с древнейших времен до маурийской эпохи — деревенское ремесло, государственное производство (добыча и переработка сырья, источники сырья), монополизированное государственное производство (пряжение, ткачество, кораблестроение, изготовление алкогольных напитков), использование в государственном производстве готовой продукции, взимаемой в виде налогов, частное городское производство (ремесленники, работающие на заказ и на рынок); торговля в КА — торговцы, внутренний рынок и внешняя торговля, торговля царскими товарами, государственная торговая политика, торговля как политический инструмент, отношения царя к частным торговцам.

Согласно точке зрения автора, важнейшее место в городском ремесле занимало государственное производство. Государство имело монополию на полезные ископаемые. Важные виды сырья (*купья*) поставляли государственные леса (*дравьявана*). На территории между землями сельских общин существовали также государственные пастбища, цветники, сады, огороды. Важным источником сырья являлись собираемые с общинников натуральные подати.

Сырье, хранившееся на государственных складах, обрабатывалось царскими ремесленниками; некоторые из них были на постоянном казенном содержании (стр. 172), другие работали на заказ, получая плату за сделанную работу. Нередко государственным служащим выплачивалось содержание натурой. Часть сырья, видимо, поступала на рынок. Выяснение значения термина *никшепа* (материал, переданный ремесленнику для обработки) позволяет автору установить, что упоминаемые в КА частные городские ремесленники работали главным образом не на рынок, а на заказ, обрабатывая сырье, предоставляемое заказчиком. Существовали, однако, и ремесленники-товаропроизводители. По мнению Е. Ричл, автор «Артхашастры» резко отличает их от ремесленников, работающих на заказ, и даже относящихся к ним предписания помещает в главе о торговцах. Ремесленники-товаропроизводители — это ремесленники-торговцы, поставляющие продукты своего труда на постоянный городской рынок (стр. 217 сл.). Как ремесленники, работающие на заказ, так и товаропроизводители имели, видимо, собственные орудия труда и работали в собственных мастерских. Никаких сведений относительно их кооперации в КА нет, данные о ремесленных объединениях (*шрени*) немногочисленны.

Основные выводы Е. Ричл сводятся к следующему: в Индии времени «Артхашастры» хозяйство деревни представляло собой соединение ремесла и сельскохозяйственного производства. Деревенские ремесленники не были товаропроизводителями. Комбинация в сельской общине сельского хозяйства и ремесленного производства делала общину в значительной степени независимой от внешних факторов. Внутренний рынок был крайне узким, и связь между городом и деревней заключалась в основном в том, что город получал от деревни сырье для ремесленного производства и продукты питания, но при этом почти ничего не давал взамен. Городское ремесло с самого начала производило прежде всего предметы роскоши и было направлено главным образом на удов лет-

ворение потребностей царского двора и богатых горожан (стр. 267 сл.)¹¹. Сочетание сведений о работе ремесленников на заказ и довольно развитой городской торговле позволяет предположить, что ремесленные изделия, произведенные на заказ, превращались затем в товары (например, если в качестве заказчика выступал торговец). Таким образом, Е. Ричл полагает, что частное городское ремесло, ограниченное главным образом производством предметов роскоши, связанное с работой на заказ и отсутствием доступного сырья, с самого начала должно было находиться в зависимости от торгового капитала (так же как в период позднего средневековья).

Строго говоря, «Артхашастра» не дает оснований рассматривать деревню как полностью замкнутую. Мы не знаем даже, какие ремесленные профессии могли быть представлены в деревне. К ремесленникам (*кару*) причислялись не только плотники и кузнецы, но и брадобреи, прачки и прочие, наличие которых вовсе не придает деревенскому производству самодовлеющего характера. В схеме города, нарисованной «Артхашастрой» (II.4), можно выделить, с одной стороны, район, непосредственно занятый царскими и административными службами (8, 10, 12, 14), с другой — территорию собственно города — торгово-ремесленного поселения (9, 11, 13, 15). В последней располагался базар, где шла торговля сельскохозяйственными продуктами (их доставляли в город, видимо, деревенские торговцы-*вайдехака*). Отправляясь обратно в деревню, они должны были привозить из города в обмен ремесленные изделия (иначе была бы невозможна скупка сельскохозяйственных продуктов в деревне). Товарообмен между городом и деревней, безусловно, существовал. В схеме города не указан рынок ремесленных изделий. Последние не выступают в качестве товаров (*панья*). Видимо, ремесленники, как правило, обслуживали заказчиков или покупателей в своих мастерских. О купце-заказчике и подчинении ремесла торговому капиталу данных в «Артхашастре» нет.

Такие же черты, как известная изолированность города от деревни, ограниченность внутреннего рынка, ремесленное производство на заказ и т. д., являются слишком общими для всех докапиталистических обществ и поэтому не могут характеризовать индийский или восточный социальный строй. Кроме того, как раз при решении этих вопросов требуется такая конкретность в локализации во времени и пространстве, какой не может дать рассматриваемый источник «Артхашастра».

В главе о торговле разбираются два термина, обозначающие торговцев-*ваниджа* и *вайдехака*, первый из которых встречается реже и обозначает, возможно, более высокую социальную категорию, чем мелкий торговец-*вайдехака*. *Вайдехака* в КА часто связаны с деревней, некоторые из них даже жили в деревне, занимались скупкой сельскохозяйственных продуктов для городского рынка или других сельских местностей. Социальный статус их был довольно низким. Часть *вайдехака* работала по найму (в качестве *кармакаров*).

Далее разбирается вопрос о внутреннем и внешнем рынке. Важные свидетельства содержит КА о широких внешнеторговых связях Индии. Царская торговля осуществлялась как торговцами, работавшими по найму под присмотром соответствующих надзирателей (обычно надзирателя над торговлей), так и торговцами, скупавшими оптом царские товары, а затем продававшими их в розницу по твердым ценам (стр. 244—253). Данные КА свидетельствуют о значении торговли как инструмента в политической борьбе и о торговой конкуренции между государствами (стр. 228—254). В государстве, изображенном в КА, вся частная торговля находилась под строгим надзором специальных чиновников, и все торговые сделки облагались пошлинами. В то же время предпринимались некоторые меры для развития торговли, строительства дорог, обеспечения безопасности торговцев и т. д. (стр. 259—266).

Интересен самостоятельный очерк Е. Ричл о термине *кармакара* (стр. 211—216). Она приходит к выводу, что *кармакара* в КА имеет широкое значение: «в течение оп-

¹¹ В этой связи проводится интересный анализ терминов *бхрти* и *бхрта* (стр. 169—172). Автор приходит к выводу, что *бхрти* — не единовременная оплата за труд, как *ветана*, а постоянно выдаваемое содержание, которое работник получает периодически, находясь в определенной зависимости от работодателя.

ределенного времени работающий на другого за плату». Все городские ремесленники, работающие на заказ, — царские или частные, а также деревенские ремесленники принадлежали, по ее мнению, к *кармакарам*, поскольку работали на заказчиков и были, следовательно, в экономической зависимости от них. Е. Ричл полагает, что в КА выделяются две группы *кармакаров*, одни из которых работали за установленную плату с точным указанием времени и места выполнения, а другие были «работающими в надежде» на плату, устанавливаемую экспертами после окончания работы (стр. 213). Здесь необходимо сделать ряд замечаний: Е. Ричл неточно интерпретирует сутры III.13.30—32. Во всем отрывке III.13.26—32 речь идет об оплате труда нанмавшегося (*кармакара*). Если был договор об оплате — в любом случае он должен быть выполнен. Если договора не было — плата определяется исходя из характера работы и необходимого для нее времени. Далее идет пояснение возможных конкретных случаев. Если, например, не заключал договора земледелец, пастух или торговец — их плата должна быть определена в виде десятой доли прибыли в натуральной форме (зерно, масло, товар). А если не заключил точного договора об оплате кто-либо, «надеющийся (на вознаграждение)»¹², например, лекарь, актер, рассказчик, ремесленник и др., он может по суду получить плату (*tathā vetanaṃ labheta*): либо такую, какую получают другие той же профессии (*yathā'nyastadvidhaḥ kuryād*), либо как установят судьи, оценивающие проделанную работу (*yathā vā kuśalaḥ kalpayeyuḥ*). Решение об оплате во всех случаях основывается на показаниях свидетелей о проделанной работе (*sakṣipratya-yaśeva syat*). Если нет свидетелей, то хозяин привлекается к суду лишь постольку, поскольку работа *кармакара* палицо (*yataḥ karma tato'nyunjīta*).

Таким образом, во-первых, сутры 26—27, а также 31—32 имеют общее содержание, относящееся ко всем *кармакарам*, а не к разным их группам. Во-вторых, решение судей в сутре III.13.30 является не общим правилом, действующим для специальной группы «работающих в надежде» на это решение, а крайним случаем, когда вознаграждение было обещано в неопределенной форме, а после выполнения работы не заплачено ничего или слишком мало. Если же вообще нет каких-либо принятых форм оплаты за подобную работу — дело решает судья.

Таким образом, по нашему мнению, в рассматриваемом отрывке КА нет постулируемого Е. Ричл деления *кармакаров* на две постоянные группы. Тем более мы не видим основания для отождествления этого деления *кармакаров* с делением, содержащимся в КА IV.1 и производимым в зависимости от определения времени и условий выполнения работы (стр. 214). Вряд ли можно сомневаться в том, что ремесленники (*кару*) или слуга (*паричарака*) могли предварительно заключить договор об оплате своего труда, а с другой стороны, что работа актера (*кушлава*), слуги и др. должна была определяться по времени и месту выполнения. Не случайно Е. Ричл, пытаясь определить, в какую категорию *кармакаров* попадают ремесленники конкретных профессий, вынуждена признать, что они не относятся строго ни к той, ни к другой (стр. 216).

В то же время Е. Ричл упускает из виду двойственность самого понятия *кармакара*. С одной стороны, термин *кармакара* обозначает всякое лицо, заключившее договор о найме. В этом смысле в момент выполнения договоренности о работе не только лекари, ремесленники или актеры являются *кармакарами*, но и брахманы, приглашенные для совершения жертвоприношения (III.14). С другой стороны, *кармакара* — работник, постоянно живущий наемным трудом, представитель особой социально-экономической категории. В податном списке населения деревни перечисляются отдельно: *kaṅu* — *karṃakara* — *dāsa* (II.35). *Кару* (деревенский ремесленник) должен время от времени выполнять работу на кого-то, быть *кармакаром*, но он — не *кармакара* по своему общественному положению. Постоянный *кармакара* по своему общественному положению близок к *dāsa*, и есть ряд категорий, которые относятся то к *кармакарам*, то к рабам в широком смысле слова (например, *paṅcaka* — III.13.9; III.13.30; IV.13.31),

¹² Кстати, *āśakārika* — не «работающий в надежде», а просто «надеющийся» от *āśam* kṛ — «надеяться».

но это явно не распространяется на всех выполняющих работу по договору о найме — на жрецов-брахманов, на все категории ремесленников и т. д.

В конце как первой, так и второй части книги имеются «Заключения». Заключение, написанное М. Шетелих, прежде всего содержит перечисление основных выводов ее исследования и затем постановку ряда общих проблем. Е. Ричл, к сожалению, пигде не сводит воедино свои выводы, сделанные при анализе конкретного материала КА, и ее заключение содержит только постановку общих проблем. В подведении главных итогов работы можно заметить одну особенность: выводы, построенные на крайне фрагментарном материале и сопровождаемые в тексте многочисленными «может быть», в заключении фигурируют уже в категорической форме. На основании главным образом средневекового материала М. Шетелих предполагает возможность оплаты труда ремесленника из доли урожая (стр. 116). В «Заключении» это предположение из допустимой рабочей гипотезы превращается в окончательный вывод, вывод огромного значения (если бы он был доказан) — о существовании натуральной системы взаимобеспечения в индийской деревне уже в древний период (стр. 130—131). Также Е. Ричл в основном тексте пишет о том, что в свете обильных указаний «Артхашастры» на заказы ремесленникам можно предполагать возможность подчинения ремесла торговому капиталу (что справедливо, хотя в источнике ничего прямо об этом не говорится). В «Заключении» эта мысль повторяется уже в категорической форме — мысль опять-таки важнейшая, из которой должно следовать, что между организацией ремесла во времена КА и во времена британского завоевания не было существенных различий (стр. 269).

Общие концепции, предложенные исследователями, нам кажутся спорными. Согласно М. Шетелих, например, ведущей формой эксплуатации в древней Индии были не «частные формы», имеющие экономический характер (как-то: рабство, долговая кабала, наемный труд, кабальная аренда и пр.), а коллективная форма — эксплуатация сельских общин государством посредством налогов. Эта форма имела внешнеэкономический характер, ибо государство не было верховным собственником земли — основного средства производства (стр. 132—133).

Нам представляется, что налог может быть средством эксплуатации, но не всякий налог и не всегда весь налог. Однако дело даже не в спорности подобных общетеоретических схем, а в том, что они не вытекают из исследования автором конкретного материала. Общий вывод порой делается как раз по тем вопросам, которые менее всего исследованы в работе или вообще могут быть исследованы по данным источников.

Вкратце скажем о приложениях. В первом из них анализируется *вишти* (государственная трудовая повинность). Этой повинности подлежали, видимо, только жители деревень (в том числе, вероятно, и деревенские ремесленники). Обычно она заключалась в исполнении тяжелой, неквалифицированной работы. *Вишти* могла быть регулярной (строительство государственных дорог, например) и экстраординарной (например, во время войны).

Второе приложение посвящено проблеме каст. Поскольку термин *джати* часто упоминается наряду с термином *карма* — «занятие», авторы приходят к выводу, что *джати* в КА означает не профессиональную касту в позднейшем смысле, а либо употребляется в том же смысле, что варна, либо в общей форме указывает на происхождение человека. Таким образом, по их мнению, во времена КА, как и в период составления дхармасутр, профессиональные касты еще не сложились. В то же время термины *тадджата* и *варга* указывают на профессиональную специализацию и профессиональные группировки — один из компонентов, из которых развивается впоследствии система профессиональных каст.

Что *джати* в КА, как и в дхармасутрах, употребляется в значении «варна», служит для авторов одним из аргументов датировки КА маурийским временем (стр. 16). Однако это словопотребление хорошо засвидетельствовано и в памятниках, составленных на 500 лет позднее, чем маурийская эпоха, например, в «Яджнавалкья-смирти» (I.90). *Джати* и в поздних дхармашастрах не означает просто профессиональную касту, и хотя в «Ману» и других дхармашастрах перечисляются профессиональные за-

пятия (*карма*) для каждой *джати*, источники сильно различаются в определении этих профессиональных занятий. *Джати*, по крайней мере в период древности, никогда не указывало на профессиональное занятие, и поэтому наименование *джати* не делало лишним указание на профессию. Для хронологического определения КА это наблюдение во всяком случае бесполезно.

С основными выводами третьего приложения можно было ознакомиться по статье М. Шетелих на русском языке «О некоторых терминах, определяющих отношения зависимости в „Артхашастре“»¹³. Мы не будем подробно останавливаться на этой интересной работе, поскольку все вопросы интерпретации текста КА о рабах достаточно разобраны в статье «„Устав о рабах“ в КА»¹⁴. Сейчас лишь отметим, что плодотворное стремление к выделению и специальному анализу многообразных форм зависимости не должно совсем зачеркивать поисков того общего, что было в положении разных категорий зависимых. Несмотря на значительное отличие положения «заложенного» кабального должника от положения урожденного раба, древние индийцы не случайно распространяли понятие «раб»-*даса* и на «заложенных». Существовала сильная тенденция к уподоблению временно пребывающих в рабстве «заложенных» урожденным рабам. С другой стороны, на наш взгляд, в полемике с Б. Брелером, говорившим об обращении в полное рабство только варваров, М. Шетелих неправ. В действительности, конечно, могли быть отступления от установленных правил, но КА тем не менее последовательно исходит из того, что рабство — удел «варваров» (*млеччха*), но не представителей четырех варн (III.13.1—4, III.13.18, III.16.28).

Наконец, несколько слов надо сказать об источниковедческой основе работы. В общем введении к книге авторы защищают достоверность индийской традиции об авторстве Каутильи, министра Чандрагупты, и соответственно во всей книге рассматривают КА как отражающую социально-экономические отношения в государстве Маурья. Аргументацию против традиционной датировки им, однако, не удалось опровергнуть. Читать *чина*, из страны которых происходит шелк, не китайцами, а каким-нибудь гималайским племенем (стр. 13) трудно. Так же трудно представить во времена Чандрагупты торговлю кораллами с Александрией, находившейся в Северо-Западной Индии, в то время как торговля кораллами с Александрией Египетской прекрасно засвидетельствована античными источниками для начала нашей эры¹⁵. Но главное даже не в проблемах датировки, а в понимании характера источника. Так же как дхармашастры, КА является традиционным трактатом, написанным на основе обширной литературы. Если бы удалось доказать, что автором КА был современник первого Маурья, трактат отражал бы только домаурийскую традицию. Хотя общая хронологическая последовательность — ранние дхармасутры — «Артхашастра» — «Ману-смирти», видимо, справедлива, однако совершенно ошибочно думать, что Индия «Ману» сменила Индию «Артхашастры», а та в свою очередь — Индию дхармасутр. КА — теоретический трактат, описывающий абстрактное государство, а не государство Маурья или любое другое конкретное индийское государство. Возможны два метода работы с подобным источником: во-первых, можно сопоставлять материал КА с другими источниками определенного периода и брать из трактата только сведения, подтверждаемые другими источниками. В этом случае мы пытаемся восстановить конкретное индийское общество и государство. Второй подход — тщательная интерпретация данных самой КА, в некоторой степени даже сознательно изолируемой от сведений иных источников. Подобным образом можно восстановить теоретическое общество и государство КА. Практически Е. Ричл и М. Шетелих идут по второму пути, однако полагают, что им удастся восстановить не абстрактное государство «Артхашастры», а совершенно конкретное государство Чандрагупты Маурья. Важнейшая проблема — что в КА вообще является теоретическим построением, а что — отражением действительности — в работе практи-

¹³ См. сб. «Очерки экономической и социальной истории Индии», М., 1973.

¹⁴ А. А. В и г а с и н, «Устав о рабах» в «Артхашастре» Каутильи, ВДИ, 1976, № 1.

¹⁵ См. А. А. В и г а с и н, Источниковедческие проблемы изучения «Артхашастры», ВДИ, 1972, № 1.

чески не поставлена, что приводит к существенным ошибкам в интерпретации текста.

Проблемы социально-экономической истории древней Индии только начинают разрабатываться. Неудивительно поэтому, что возникают споры по самым общим вопросам исследования индийских текстов. Книга Е. Ричл и М. Шетелих является ценным пополнением литературы, посвященной КА, одним из важнейших в марксистской историографии исследованием социально-экономических отношений в древней Индии. Прделанный Е. Ричл и М. Шетелих тщательный анализ источника, постановка на индийском материале ряда важных общих проблем позволяют считать, что знакомство с нею полезно не только для индологов, но и для всякого специалиста по социально-экономическим проблемам древности.

А. А. Вигасин, А. М. Самозванцев